

Ариадна Васильева

ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СЕНАТОРА КРЕГА

1

Барон Теодор фон Райзер, больше известный в студенческих, журналистских, богемных и некоторых медицинских кругах под именем Тэдди, возвратился домой рано утром, когда только начало светать, взволнованный, расстроенный и сердитый.

Волнение его до сих пор не улеглось, хотя из полиции его отпустили на все четыре стороны, не предъявив никаких обвинений, напротив, с проявлениями всяческого почтения и извинениями за причиненное беспокойство. Сердит он был, поскольку днем ему предстояло явиться на очередную консультацию в клинику Святого Бернара, а бессонная ночь могла неблагоприятно сказаться на результатах обследования. Расстроен же он был неувязкой в его компьютерном досье, затребованном лейтенантом полиции.

Тэдди арестовали за нанесение телесного повреждения (пощечины) полицейскому в чине сержанта во время драки в ночном ресторане. Свалку, естественно, затеял не барон. Как потом выяснилось - это была инсценировка. Пока полицейские возились с ресторанной дракой, неуловимая банда благополучно ограбила ювелирный магазин в том же квартале.

Разнимая хулиганов, сержант обляял попавшую ему под горячую руку партнершу Тэдди. Тэдди даже не был знаком с этой девушкой, он пригласил ее на танец, но рыцарские чувства возобладали над здравым смыслом, - сержант получил по физиономии, а девица благополучно смылась.

Расстроен же Тэдди был вовсе не этим, хотя проступок его был достаточно серьезным и мог обернуться большими неприятностями, он был расстроен странными подробностями своей биографии, обнаруженными в компьютере полицейского отделения.

Родители Тэдди погибли в авиационной катастрофе, когда ему было всего два года. Все это он прекрасно знал. Поскольку никаких других родственников не было, Тэдди растила и воспитывала прекрасная и добрая женщина - Марта Миллер. Он привык считать ее своей матерью.

Но компьютерная проверка показала странную вещь. В катастрофе погибли не только Отто и Матильда фон Райзеры, погиб и их годовалый сын Теодор, то есть сам Тэдди. Полицейские вцепились было в него мертвой хваткой, сержант с лихвой возместил нанесенный моральный и физический ущерб, но своевременный звонок адвокату Вейтлингу все уладил. Тэдди вернули в целости и сохранности его документы, извинились, предложили подать жалобу за рукоприкладство, но он отказался вчинять иск, поскольку теперь они с сержантом остались квиты.

2

Тэдди поднялся в лифте на десятый этаж, вошел в квартиру, тихо притворил за собой дверь, осторожно ступая, чтобы не разбудить Марту, прокрался по коридору в свою комнату и зажег свет. Первое, что он увидел, - лежащий на письменном столе увесистый пухлый сверток, перевязанный крест-накрест грубым шпагатом. Удивился, подошел, осторожно тронул. На грубой обертке синим фломастером был написан его адрес, его имя. Ни марки, ни почтового штемпеля. Тэдди решил отложить выяснение истории появления странной посылки до прихода прислуги, нашел маникюрные ножницы, разрезал шпагат и развернул бумагу. На стол высыпались новенькие, плотно упакованные пачки долларов и два конверта. Один тонкий, другой потолще.

В полном недоумении, несколько испуганный, Тэдди открыл тонкий конверт и вытряхнул на стол несколько газетных вырезок и три фотографии. На всех трех был сфотографирован он сам. На первой, пожелтевшей, с обтрепанными краями, в смокинге; на второй в красном свитере; на третьей в плавках на фоне моря и песчаных дюн. Ни смокинга, ни красного свитера Тэдди никогда не носил, и приморский пейзаж за спиной человека в плавках был ему неведом.

Разложив странные фотографии в ряд перед собой, изумленный и растерянный не столько их видом, сколько пачками долларов, он занялся газетными вырезками. Заголовки статей гласили: "Хотим знать правду о состоянии здоровья сенатора Крэга", "Будет ли снова баллотироваться в парламент сенатор Крэг?", "Сенатор Крэг помещен в клинику Святого Бернара!", "Состоится ли намеченная пресс-конференция сенатора Крэга?".

При упоминании клиники стало, как говорится, теплее, Тэдди и сам

был ее постоянным пациентом, и именно этот факт изменил отношение к нему полицейских. С людьми, имеющими постоянный пропуск на территорию клиники Святого Бернара, полагается разговаривать почтительно. Они либо сами являются крупными государственными чиновниками, либо имеют непосредственное отношение к высоким правительственным сферам. Тэдди не был высокопоставленным чиновником, и к высоким сферам не имел ни малейшего отношения, но пропуск был у него всегда, с детства, и каждые четыре месяца он обязан был проходить обследование у знаменитого доктора Паркера и его помощников, а почему так полагалось, он и сам не знал. Не был он знаком и с сенатором Крэгом, и до настоящего момента даже не подозревал о его существовании. Тэдди никогда не интересовался политикой.

Продолжая недоумевать, он распечатал второй, пухлый конверт, достал несколько листов, исписанных крупным, разборчивым почерком, и погрузился в чтение.

"Глубокоуважаемый барон фон Райзер!" - к нему обращались почтительно. - "Простите, я вторгаюсь в Вашу жизнь. Мое имя вряд ли Вам знакомо. К Вам обращается виконт Эдуард де Симерен, хотя оба титула, мой и Ваш - историческая нелепость и каприз одного человека, связанного и со мной, и с Вами смертельными узами. Я знаю, Вы не читаете газет, вы студент и художник-любитель, хотя некоторые из ваших картин производят впечатление работы зрелого мастера. Не удивляйтесь моей осведомленности. Я знаю о вас все. А теперь прошу внимательно изучить газетные вырезки, если Вы еще этого не сделали".

Тэдди более внимательно, просмотрел заголовки газет, в одной из статей пробежал глазами несколько строк, но ничего интересного для себя не обнаружил. Он продолжил чтение.

"Вы скажете, что здоровье сенатора Крега Вас нисколько не интересует, но это не так. Именно здоровье сенатора Крега и должно вас заинтересовать! Именно здоровье!

Быть может, с этого момента Вы захотите счесть мое письмо бредом умалишенного, но, уверяю Вас, я совершенно нормален, нахожусь в здравом уме и твердой памяти, хотя отдал бы все сокровища мира, если бы это помогло мне ее потерять.

Дело вот в чем. Вы должны будете убить сенатора Крега.

Понимаю Ваши чувства, предвижу Вашу реакцию, и все еще не рискую сказать сразу всю правду, готовлю исподволь, постепенно, ибо жизнь и смерть сенатора Крэга - мелочь, недостойная внимания по сравнению с тем, что я собираюсь на Вас обрушить.

Знаете ли вы о гибели во время катастрофы ребенка фон Райзеров? Если не знаете, то знайте: фон Райзеры существовали, но умерли. Все, вся семья, три человека. Другого ребенка у них не было. Он - миф".

На этом месте Теодор вынужден был прервать чтение. Сердце его предательски замерло, а затем застучало с небывалой силой. Ему показалось, будто он слышит его стук где-то у себя в горле. Если неувязка в досье могла оказаться просто ошибкой, то теперь никаких сомнений не оставалось. Он буквально впился глазами в следующий абзац уже по-настоящему пугающего письма.

"Следить - нехорошее слово. Я не имел никакого права следить за Вами, Теодор. Я искал вас. Я очень долго искал Вас, и нашел. С тех пор я делал все возможное, чтобы не упустить Вас из виду, чтобы не потерять. Я должен был охранять Вас. Я должен был ждать момента, чтобы предостеречь. Пожалуйста, не вздумайте бросить письмо или дать ему иной ход, например, отнести в полицию. Прочтите до конца.

Теперь возьмите фотографию, где изображен человек в смокинге. Обратите внимание, она очень старая, вся пожелтевшая, края истрепались. Успокойтесь, это не вы. Это сенатор Крэг, он сфотографирован на этом кадре шестьдесят четыре года тому назад, в самом начале своей головокружительной карьеры. Тогда ему было ровно двадцать пять лет. Если бы вы знали, каких трудов мне стоило ее раздобыть!".

Тэдди отвел глаза от лежавшей перед ним фотографии и задумался. Только что прочитанная страница и впрямь побуждала идти с заявлением в полицию, но удивительное сходство... Он и сенатор Крэг... Двойники? Родственники? Это следовало выяснить до конца. И полно, не коллаж ли это? При современной технике соединить на снимке в одно целое двух разных людей труда бы не составило. Он бросился читать дальше странное письмо.

"Теодор, доверьтесь мне! Я не хочу, чтобы случилось несчастье. Пусть, как бы это не звучало банально, лежащие в пакете деньги, убедят вас, заставят поверить каждому моему слову. А ведь сумма не маленькая - двести тысяч! Она должна Вас впечатлить, хоть вы и относитесь к деньгам равнодушно.

Но вернемся к фотографиям. Посмотрите внимательно на человека в красном свитере. Это снова не вы. Кто? Не пытайтесь гадать, это моя фотография. Таким я был в несколько лет назад. Сейчас я выгляжу иначе. Если бы с вами проделали то, что проделали со мной... Но не будем отвлекаться.

Теодор, вы уже подготовлены к тому, чтобы понять, вы уже догадались: фон Райзеры никогда не были вашими родителями".

Еще бы он не догадался! Но поверить в это было мучительно, и вовсе не потому, что лопнуло его баронство. Он никогда особенно не носился с титулом, просто было приятно находить своих пращуров в истории тевтонского рыцарства. Мальчиком он любил надевать на себя картонные латы. Был у него и щит - крышка от старой кастрюли, а Марта научила, как сделать шлем из огромной жестяной воронки... Тэдди усмехнулся далекому детскому воспоминанию, и заставил себя вернуться к основной теме. Судя по сходству, естественно, напрашивался вывод - господин Крег его и этого виконта, (господи, как его) - он перевернул листок - Эдуарда де Симерена, папа. И далее, по логике вещей, он должен бросить все и с криком "Брат мой!" бежать отыскивать виконта. Впрочем, скорее всего, он такой же виконт, как Тэдди - барон. Но вот какая мысль немедленно пришла ему в голову. Марта! Женщина, заменившая ему мать! Она знала об этом или не знала? И, если знала, то зачем ей понадобилось морочить ему голову столько лет? Но вопросы к Марте он вынужден был оставить на потом, а пока постараться уяснить, для чего он должен идти и убивать папу Крэга?

Письмо самозваного брата предлагало ему заняться третьей фотографией. Тэдди предпочел бы увидеть мамочку, но пришлось внимательно разглядывать человека в плавающих, человека с лицом Теодора Райзера, снятого на фоне никогда не виденных им высоких песчаных дюн.

"... его звали Клайв Смит. Просто Клайв Смит. Он скончался. Умер в клинике Святого Бернара лет десять тому назад.

Пожалуйста, я очень вас прошу, соберите в кулак все свое мужество. О, я, может быть, слишком возвышенно говорю, но, клянусь, вам понадобится все ваше мужество, чтобы читать дальше. Это только начало, Теодор. И, вот еще что, я забыл об этом сказать сразу: куда-то идти, покупать револьвер или яд, чтобы убить Крэга, вам не придется. Ничего этого не надо. Мне полагалось, начать с этого. Вы должны меня

простить. Я готовился к разговору с вами слишком долго. Слишком часто проигрывал в уме письмо, представлял себе, как Вы станете его читать. А теперь вот получился сумбур, я перескакиваю с одного на другое.

Начну издалека. Карьера сенатора Крега головокружительна. Это все знают. Он женился на дочери автомобильного магната и занялся политикой. Теперь он сенатор, спикер парламента. Собственно говоря, он и есть глава государства. Ни один законопроект не будет утвержден без согласования с ним. Он не замешен в коррупции, не был замешен ни в одном крупном скандале. Насколько политик может быть честным - он честный политик. Я не хочу быть предвзятым. И еще. У сенатора до определенного возраста было прекрасное здоровье, а сердце стало пошаливать только теперь на девяностом году жизни.

Знаете ли вы, как звучит полное имя Крега? Клайв Эдуард Теодор. Он разделил свое имя и каждому... да! Да! Да! Каждому из нас дал по имени. Первый - Клайв. Затем я - Эдуард. Теодор - это ты, последний. Да только не сыновья мы ему. Не сыновья! Мы - копии. Точные копии Крэга. Он дал ученым свой клеточный материал, и нас создали в одной из этих чертовых частных лабораторий. Мы с тобой клоны, Тэд. Всего лишь клоны сенатора Крэга. Клайв. Эдуард. Теодор!

В это трудно поверить. Насколько ты слышал, клонируют животных. Овечка была, Долли. С нею носились, не пускали в общее стадо. О ней много говорили. О человеческих клонах - никогда. Это официально запрещено. Запрещено, да не для всех".

Теперь Тэдди буквально впился в письмо, руки немного тряслись, душа заледенела.

"Ты уже понял, - Крэг всемогущ. Он приобрел в собственность ту жуткую лабораторию. В ней уже несколько лет занимались генной инженерией. Купил за большие деньги выдающегося ученого, ты мог слышать - профессор Смолл. Не так давно он умер, и если существует ад... Впрочем, я отвлекаюсь.

Так сенатор Крэг стал воплощать в жизнь навязчивую идею - создание собственных клонов. И их создали с интервалами в несколько лет. Самому старшему - Клайву, было бы сейчас тридцать пять. Что касается запрета на клонирование человека... В то время, никакого запрета не существовало. Овечку состряпали позже и выставили на всеобщее обозрение с единственной целью - посмотреть на реакцию, прощупать общественное мнение. Тогда и начались дебаты в

парламентах, и только тогда появился полный запрет на клонирование человека. А сенатор Крэг в это время тихо посмеивался и сочинял биографию для последнего клона. С Клайвом, нет, с ним он не стал возиться. Тот был просто Смит. Это после фантазия сенатора разыгралась.

Надо ж придумать такое - виконт де Симерен! Виконт с романтической биографией. Естественно, сирота. Так удобней. Сироту отдали в престижный пансион. Положили на его счет в банке изрядную сумму. Он рос, крепнул и развивался под бдительным оком доктора Паркера из клиники Святого Бернара. Такие вот дела, Теодор. Но я не оправдал надежд сенатора. Из меня ничего особенного не получилось. У меня нет никаких талантов. А для сенатора это очень важно. Вместе с нами он заново проживал молодость. Мы должны были осуществить все его несостоявшиеся мечты.

Первые два клона быстро сошли со сцены. Остался последний. Ты. Барон Теодор фон Райзер! Пунктик у Крэга такой, буйное помешательство на титулах. Сам-то он по происхождению так себе, из простых. Вот и решил избавиться от комплекса неполноценности. И очень кстати тогда подвернулись погибшие в катастрофе фон Райзеры. Может быть, да, а, может, нет, - я не знаю, носился ли ты со своим титулом. О, сенатор знает, как задеть честолюбивую струнку в любом человеке. При этом третьему клону повезло больше всех.

Теодор фон Райзер! Талант, умница, подающий надежды историк. Он учится в Сорбонне, он печатает работы в солидном научном журнале, он участвует в престижной экспедиции Перкинса на раскопках в Мексике. Для собственного удовольствия пишет прекрасные картины. А знаешь ли ты, Теодор (черт, я и не заметил, как перешел на "ты"), знаешь ли, что сенатор смолоду увлекался живописью? Правда, художника из него не вышло. Я про него еще одну штуку знаю. Историей он тоже увлекался. Да-да, можешь смеяться, но в свое время он стоял перед выбором: карьера ученого или политика. Политик победил, но как он любит пофилософствовать!

Он был щедрым, Крэг. Он хотел, чтобы его клоны никогда ни в чем не нуждались. Он поселил нас в прекрасных квартирах. Приставил высокоинтеллектуальных и образованных нянек"...

Стоп! Тэдди прервал чтение. Вот оно! Нянька с высшим образованием. Но ведь Марта - психолог. Неужели она... Нет, этого не может быть! Тэдди мотнул головой, словно хотел стряхнуть

наваждение, схватил письмо.

"Он дал возможность каждому проявлять свои способности. Но век наш не долгод. Нет. Нам отпущено очень немного лет. Совсем немного. Так, чепуха.

Ты еще не понял? Тэдди, неужели ты не понял? Но я же упомянул об умершем в клинике Клайве Смите. Мы - не люди. Мы - доноры. Мы существуем лишь пока у сенатора все в порядке со здоровьем. А чтобы сенатор мог жить долго-долго, и при этом заниматься политикой, будь он проклят, нас кладут на операционный стол и берут все, что понадобилось на данный момент Крэгу. Печень, желудок, почку, сетчатку глаза. Беспроигрышный вариант! Стопроцентная регенерация! Гены у нас одни...

Что они сделали с Клайвом, я не знаю. Его распотрошили насмерть. Через пять лет призвали меня. Все было прекрасно обставлено. Прекрасно! Вежливо, а, главное, очень просто. Разве нам с тобой не было приятно, что с нашим здоровьем носятся в такой престижной клинике? Тэдди, признайся, ведь приятно было! А дальше так. Подробное обследование, неблагоприятный диагноз. "Господин виконт, вам предстоит небольшая операция". Потом, уже после всего: " Вам удалили раковую опухоль".

Ты скажешь: "Вранье! Никто не имеет права"... Да кого могут заинтересовать права клона? Кого интересуют права подопытных кроликов? Еще раз повторяю - мы не люди. Нигде, ни в одном законе права клонов не защищены. Для нас законы не писаны, потому что нас нет. А если бы кто из нас вздумал заняться "полезной деятельностью" и начать судиться с Крэгом, уверяю, Тэдди, того немедленно упекли бы в психиатрическую больницу. Прямоком из зала суда. Можешь не сомневаться. Я от всей души советую тебе забыть о правах. Когда речь идет о людях, подобных Крэгу, существуют только их права. По виду мы ничем не отличаемся от остального человечества. Но как только нас выпустили из пробирки... Я вижу твою реакцию, я тебя понимаю. Очень хорошо понимаю. "Человек из пробирки" звучит страшно. Это нелегко осознать, ох, как нелегко. О чем я? Так вот. Как только нас выпускают, начинается жизнь под негласным наблюдением. Нас пасут.

Да, мы живем под неусыпным оком людей сенатора Крэга. Ты спросишь, откуда я все это знаю. Два человека - Паркер и профессор Смол... Они были уверены, что я вот-вот отправлюсь в небытие, и болтали, болтали возле моей постели сразу после операции. Они были

потрясены успехом. Они восхищались выдумкой Крэга, его возможностями. Тэд, они стояли у изголовья распластанного и кое-как зашитого, ладно, пусть не человека - клона, но все-таки живого существа, и называли меня "объект номер два". Слышишь, Тэд? Личная собственность сенатора Крэга даже в такой момент не имела права на имя! Как они были счастливы, как они упивались успехом, эти двое! А я... отработанный материал, со мной можно было не считаться. Но я проник в их тайну и выкарабкался. Мне повезло больше, чем бедолаге Клайву. И тогда этим экспериментаторам стало интересно. А сможет ли существовать "объект номер два" после всего, что с ним сделали? Оказалось, может. Если не будет употреблять обычную пищу, если привыкнет к постоянной боли.

Тэдди, собрат мой по несчастью, отомсти Крэгу! Отомсти за всех нас! Они говорили тогда, возле меня в реанимации, не только о Клайве, объекте номер один, умершем, они говорили о третьем. А я сам вычислил твое имя. Я догадался! Только Теодором он должен был назвать тебя. Только Теодором и никак иначе. И я стал ждать. Постоянной слежки за мной уже не было. Чего там, полудохлый клон.

Как часто я отирался возле их распроклятой клиники. Я менял цвет волос, походку. И я дождался. Однажды я увидел тебя. Ты шел к ним. Ты шел такой беззаботный, такой... Ну, точная копия меня самого, прежнего.

И я стал по крупицам собирать твою биографию. Прости, но это было необходимо. Тэд, ты должен отомстить. Иначе этим Крэгам понравится продлевать свои подлые жизни, они начнут штамповать клонов сотнями, они наплюют на все и всяческие запреты. Останови их, Тэд!

Впрочем, тебе ничего не придется делать. В этом вся соль! В этом вся штука! Я придумал гениальную вещь. Убить, и при этом никаких детективных историй, никакой уголовщины. Все, до смешного, просто. Ты сейчас будешь хохотать, как сумасшедший!

У сенатора Крэга большое сердце. У него большое сердце, и они заберут твое. Но он не учел одной вещи. Он не учел виконта Эдуарда де Симерена, ставшего человеком в тот день и час, когда двое скотов в белых халатах болтали у его изголовья.

Исчезни, Тэд, беги, скройся! Затаись так, чтобы ни одна их ищейка не сумела тебя найти. И тогда его поганое сердце перестанет биться. Ты понял, да? Ты понял? Он издохнет, Тэд! Пока они будут тебя искать, он

издохнет, как последний трус, потому что он боится смерти.

Все. Тэдди, я все сказал. Тебе выбирать. Или они схватят тебя, или ты перехитришь их. Здесь билет на самолет, деньги. Я все снял со своего счета. Мне уже ничего не нужно, а тебе нельзя появляться в банке. Они ждут тебя на очередную консультацию. Ты придешь, тебе скажут, например, что тебе нужно удалить зуб. Дальше понятно. Решай, Теодор фон Райзер. Не могу сказать "до встречи". Мы никогда не увидимся. И помни, у сенатора Крэга большое сердце!".

Подпись была. Странная, на взгляд любого разумного человека, и, пожалуй, страшная - "Клон".

Тэдди хотелось грохнуть кулаком по столу и с криком "нет!!!" скомкать и сжечь или просто разорвать в клочья злополучное письмо. Но ничего этого он не сделал. Компьютерное досье в полиции - вот, что заставило его броситься в кресло и сдавить руками виски. Потом он оцепенел.

Тэдди не мог бы сказать, сколько времени он просидел неподвижно в кресле без сна, но в каком-то странном забытии. Через какое-то время из кухни послышался звон чайной посуды, и он вздрогнул. Видно Марта уже проснулась и собирала на стол. Как обычно, прислуга еще не пришла, и им предстоял завтрак вдвоем. Прежде он любил эти утренние застоля, минуты полного откровения, когда хотелось говорить, строить планы на день, делиться замыслом очередной картины или вспоминать без конца подробности незабываемого путешествия в Мексику.

И он в безумной надежде поднялся с дивана и отправился на кухню, прихватив со стола письмо. Сейчас Марта прочтет его и развеет кошмарное наваждение, навалившийся на душу гнетущий, непередаваемый словами ужас.

3

Опасаясь разбудить Тэдди, в каникулы она позволяла ему спать дольше, Марта ходила по кухне, стараясь беззвучно ступать надетыми на босу ногу шлепанцами. Ее волосы были небрежно подвернуты и заколоты кое-как, легкий халат просто запахнут и подвязан поясом. Она закончила накрывать на стол, убавила газ под закипавшим чайником, хотела идти к себе переодеться к завтраку, и в этот момент

увидела застывшего на пороге Тэдди.

- Ты уже встал, - удивилась она.

Обычно он вставал гораздо позже, и часто, когда сам просил разбудить, ей приходилось идти за ним в спальню, тормошить и стаскивать одеяло. А он отбивался, мыча, и пытался натянуть его на себя обратно.

Марте не понравился его вид. Он смотрел на нее тяжелым и неподвижным взглядом.

- Что с тобой? - спросила Марта и пристально взгляделась в его лицо, - ты очень бледен. Что-нибудь случилось? Ты когда вернулся домой? Я спала и не слышала.

Она хотела привычно пригладить его непослушные волосы, но он задержал ее руку.

- Случилось, - тихо сказал он и прошел в кухню. - Сядь, Марта, нам надо поговорить.

И он усадил ее, сам уселся рядом, так, что колени их почти соприкоснулись. Теодор заметил это, нахмурился, отодвинулся вместе со стулом чуть дальше и, не вдаваясь в подробности, рассказал Марте о своем задержании в полицию. Основное внимание он уделил досье, умершему в двухлетнем возрасте Теодору фон Райзеру.

- О, Боже мой! - неискренне засмеялась Марта, хотя до этого момента слушала его внимательно и серьезно, - тебя это так взволновало?

Она стала говорить об ошибке в компьютере, о необходимости немедленно исправить ее, стала сетовать на тотальную слежку за свободными и законопослушными гражданами, получившую невиданный размах особенно в последнее время.

Тогда он прервал ее речи и положил на стол письмо Эдуарда де Симерена. Она удивленно подняла брови, потом достала из кармана очки и углубилась в чтение. Тэдди встал с места и подошел к окну.

Он смотрел на привычный пейзаж, на расстилающийся перед ним город с редкими вкраплениями небоскребов, прямыми разрезами улиц с летящими по ним скоплениями автомобилей, зелеными пятнами парков и нависающему по горизонту серому туману летнего смога. Только в вышине, там, где солнце, небо оставалось чистым и равнодушным по отношению к городу.

И все время, пока Марта читала, он стоял к ней спиной, а в кухне стояла напряженная тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц в те

мгновения, когда она откладывала в сторону одну и брала следующую. Его заставил обернуться ее внезапно севший, как будто неживой голос.

- Тэдди, все, что здесь написано - правда.

Лицо ее было мертвенно бледным. Он приблизился и сел на прежнее место возле нее. Теперь, когда прозвучали роковые слова, он, неожиданно для самого себя, успокоился. Но это было спокойствие обреченного.

- Значит, я - клон. Ты это имела в виду?

- Да. Но ты не должен пугаться, ты ничем не отличаешься от любого нормального человека.

Его губы скривились в злобной усмешке.

- Конечно, конечно, Марта. Я ничем не отличаюсь от нормальных людей. Просто клон. Обыкновенный клон. Но ты... откуда ты знаешь, что это правда?

- Я участвовала в проекте.

Он горестно покачал головой.

- По выращиванию доноров для сенатора Крэга.

Она запротестовала, зачастила словами.

- Нет, нет! То, что я прочла, для меня такое же потрясение, как и для тебя. Если бы я была заодно с ними, я бы не сидела сейчас перед тобой. Я даже не представляла, что сенатор имеет какое-то отношение к нашему проекту. Понимаешь, не представляла! Если бы я знала конечную цель, я никогда не стала бы принимать в этом участия. Такое не могло даже в голову придти, передо мной ставилась совершенно другая задача.

В голосе его послышалась злая ирония.

- Интересно будет узнать, какая?

- Пожалуйста, не говори со мной таким тоном.

Тогда он сорвался с места и забегал по кухне, горя желанием ударить ее, свалить со стула, пинать ногами. Ничего этого он, естественно, не сделал, лишь подскочил к ней, навис над нею со сжатыми кулаками и заорал.

- Каким тоном прикажешь мне говорить с тобой? Ты предала меня! Ты все знала, и не обмолвилась ни единым словом, никогда! Не намекнула даже на странности моего происхождения. О, нет, нет, вместо этого ты культивировала в моем сознании и это диковинное баронство, и эту трепетную память о погибших родителях. Вон они! - он схватил ее за лицо и заставил повернуть голову, - вон они! Смотрят на

нас с портрета, совершенно посторонние мне люди.

Она высвободилась из его рук, заплакала, запричитала.

- А как же иначе, Тэдди, как иначе! Каким бы ты вырос, если бы знал правду? Моральным уродом? Безмозглым кретином?

- Марта, опомнись! С твоей легкой руки под нож ляжет исключительный интеллеktуал!

Она взяла себя в руки, тыльной стороной ладони вытерла глаза.

- Нет, мой мальчик, никто ни под какой нож не ляжет, - помолчала, потом заговорила почти будничным тоном. - Знаешь, Тэдди, меня пригласили участвовать в проекте, когда тебе исполнился год. Ты был таким маленьким, таким беззащитным. Ты еще не умел говорить и ходил неуверенно. Ты улыбался милой улыбкой ничего не ведающего ребенка. И когда я взяла тебя на руки, мне показалось, будто я держу собственное сердце. И с тех пор я всю себя отдавала тебе. Ты знаешь, у меня никогда не было семьи. Может быть, оттого, что я была слишком предана науке, может быть. Но с тобой я давно перестала быть человеком только науки. Я хотела воспитать тебя благородным, умным, талантливым. Мне это удалось, что бы ты ни говорил, Тэдди. Мне это удалось.

Он перехватил ее любящий взгляд, хотел промолчать, потом все же выдавил реплику.

- Кому это нужно?

- Это нужно тебе, твоей будущей жене, твоим детям. Да, да, не смотри на меня с удивлением. Мой эксперимент окончен, Тэдди. Я тебе больше не нужна. Ты вполне самостоятелен, вполне подготовлен к жизни. Когда ты привыкнешь к мысли...

- О том, что я - человек из пробирки?

- Не надо! Не надо внушать себе то, чего нет. Забудь! И оставайся самим собой. Думать сейчас ты должен не об этом. Эдуард де Симерен прав. Беги! Не дайся им в руки! Уезжай, Тэдди, чем скорей, тем лучше. Сегодня, сейчас. Смешайся с толпой! Иначе они схватят тебя. Вот, почему я призналась тебе, вот, почему я заговорила. Если бы не это, ты бы никогда не узнал правду!

Он горестно усмехнулся. Как она могла быть такой наивной. Впрочем, все люди такие, подумал он, и внезапно до конца ощутил трагедию своего положения. Отныне он становился отверженным, отторгнутым от остального человеческого рода, в том числе и от Марты, воспитавшей его. Бежать, смешаться с толпой... Нет, Марта, нет.

Овечку Долли не пустят в общее стадо. Ему нет места среди людей.

Она смотрела на него в безумной надежде, а он продолжал стоять перед нею, молча, опустив голову. Потом он задумчиво побарабанил пальцами по столу, словно принимал решение. Лицо его стало спокойным.

- Интересно, - заговорил он, не обращаясь к Марте, - для чего вам понадобился клон - историк? Среди людей гуманитарии перевелись, что ли!

Марта тщетно пыталась поймать его взгляд.

- Тэдди, ты даже не смотришь на меня. Неужели ты готов перечеркнуть нашу жизнь? Все это годы?

Он не ответил и вышел из кухни. Она побежала следом. От резкого движения полы ее халата распахнулись, она на ходу ту же подвязалась пояском.

Она не успела увидеть, что он брал из ящика письменного стола, к ее приходу он успел задвинуть его.

- Куда ты собрался?! - отчаянно закричала Марта.

- Хочу взглянуть на сенатора Крэга.

Она всплеснула руками.

- Не ходи! Пожалуйста, не ходи. Если ты войдешь в клинику, они тебя уже не выпустят!

Это он знал с самого начала, с момента, когда принимал решение. Но Марте следовало что-то сказать, и он сказал первое, что пришло в голову.

- У меня нет иного выхода.

- Тэдди, дитя мое, опомнись! - жалко кричала она, - у тебя есть прекрасный выход!

- Уехать в Австралию, забиться в нору и ждать, пока издохнет Крэг?

- Пусть издохнет!

- Но я не смогу жить отторгнутый от людей!

- Но почему - отторгнутый. Никто не узнает...

Тогда он подскочил к ней, схватил за плечи и стал трясти.

- Я знаю!!! Я знаю правду о себе, Марта! - тут он оттолкнул ее от себя. - Разве это не повод для знакомства с сенатором? Уж если мне суждено убить его, пусть это будет открытая схватка. Лицом к лицу.

Она совсем ослабела. Взгляд ее стал молящим, голос жалким.

- А как же я, Тэдди?

Он заинтересованно обернулся к ней, прищурил глаза.

- Ты? Я как-то не подумал о тебе, Марта. А ведь тебе, пожалуй, нагорит, за то, что упустила клона.

Она без сил опустилась на стул.

- Как ты, должно быть, возненавидел меня, Тэдди.

Возненавидел? Нет. Он не чувствовал ненависти. Скорее равнодушие. Ему было все равно, что с нею будет. Вся его прошлая жизнь была перечеркнута, и сколько бы она не твердила о своей любви к нему, все равно, она была заодно с теми. Выверяла каждый его шаг. Он и для нее был подопытным кроликом.

Он направился к двери, она вскочила, бросилась за ним, намертво вцепилась в него.

- Тэдди, ты мой сын, у меня никого нет, кроме тебя, останься! Умоляю тебя! Мы уедем вместе! Еще не поздно! Еще не поздно!

Он спокойно оторвал от себя ее руки, пристально и зло посмотрел в глаза.

- Не надо, Марта.

Тогда она заплакала. Стояла, смотрела, как он идет по коридору, открывает дверь, переступает через порог, уходит, не обернувшись, а слезы текли и текли по ее лицу.

4

Куда направился Тэдди после разговора с Мартой, неизвестно. Машины он не взял, вышел на улицу и сразу затерялся в толпе. Он где-то пропал часа три, затем направился в клинику Святого Бернара. Там, как обычно, был ласково принят доктором Паркером, поговорил с ним о погоде, о предстоящем отъезде на учебу в Сорбонну, а затем, сопровождаемый сестрой Агнесс, отправился сдавать анализы, делать кардиограмму и прочее, и прочее, что положено и что происходило на протяжении многих лет.

Доктор же Паркер засел в кабинете и по мере поступления результатов стал заполнять историю болезни обследуемого барона Теодора фон Райзера. За этим благородным занятием его и застал личный секретарь сенатора Крэга, красавец Артур Рэнделл, свойский парень и дамский угодник. Он стукнул в дверь и вошел без приглашения. Не отрываясь от разложенных перед ним бумаг, доктор рассеянно спросил.

- Что вам нужно, Рэнделл? Уж не стряслось ли чего

экстраординарного с нашим сенатором?

Рэнделл бросился в кресло, развалился и дал исчерпывающий ответ, - с дражайшим сенатором все в порядке, обживает апартаменты и пока не нуждается в услугах секретаря.

Если бы коротышка доктор не был так увлечен работой, он мог бы заметить неискренность в голосе Рэнделла, его быстрые и изучающие взгляды, бросаемые на него. Но он был занят делом, и решил, что секретарь просто заглянул к нему потрепаться.

Рэнделл вытянул ноги, вытащил пачку сигарет, и внезапно высказал странное пожелание.

- Хотелось бы почитать вашу писанину, док. К чему вы его готовите, к инфаркту миокарда или циррозу печени?

Доктор отложил ручку, откинулся на спинку стула, снял очки и стал их тщательно протирать. Неумное любопытство и неожиданная догадливость Рэнделла ему крайне не понравились. Ему вообще не нравился смазливый секретарь. Но тот работал на всемогущего хозяина, и доктору приходилось мириться не только с его присутствием в клинике, но и с внезапными визитами в его собственный кабинет.

- Вы опять за свое, Артур? Снова лезет в голову сентиментальная чепуха? Весьма сожалею, что господин сенатор, без моего ведома, ввел вас в курс наших дел. Будь вы медиком, куда ни шло...

Рэнделл закурил и пустил дым чуть не в лицо доктору.

- Медики что, особый разряд человечества?

Нет, он явно напрашивался на грубость. Осведомленность Рэнделла в последнее время стала камнем преткновения в их отношениях. Но Рэнделл, вместо того, чтобы проникнуться трепетным восхищением перед научными достижениями доктора Паркера, стал проявлять к нему откровенную непочтительность, а временами даже презрение. И это как раз в период, когда доктор вдруг стал чувствовать постоянную необъяснимую тревогу, не оставлявшую его ни на рабочем месте, ни в спокойной обстановке дома.

Однако на заданный вопрос следовало дать исчерпывающий ответ, и доктор оторвался от истории болезни Теодора фон Райзера, снял очки и стал протирать их.

- В некоторых случаях, как бы вы не иронизировали, - да, медики особый разряд людей. К уникальному эксперименту следует подходить чисто технически, и никакими вашими размышлениями о гуманности

вы меня с толку не собьете.

Рэнделл подобрал ноги и двинулся корпусом в сторону Паркера.

- Так ли, доктор? Уж не пытаетесь вы обмануть самого себя? Вы же обыкновенный человек, с обыкновенной нервной системой, а собираетесь распластать здорового парня, угробить его, как тех двоих...

Доктор опустил глаза, зачем-то выдвинул и задвинул обратно ящик письменного стола. Напоминание о "тех двоих" было ему неприятно. Он постарался напомнить Рэнделлу, что один из них выжил. Но тот отмахнулся.

- Это вы называете жизнью?

Доктор устало вздохнул.

- Короче, Рэнделл, чего вы хотите?

- Хочу, чтобы вы отговорили Крэга от пересадки сердца или, по крайней мере, отложили операцию.

Доктор уставился на Рэнделла, словно на человека, внезапно лишившегося рассудка.

- И тем самым подписать ему смертный приговор? Не надейтесь.

- В таком случае я буду вынужден обратиться непосредственно к сенатору, - парировал Артур, поднялся, подошел к столу и раздавил в пепельнице недокуренную сигарету.

- Это еще почему?

- А вот почему, - Рэнделл доверительно склонился над головой собеседника, - довожу до вашего сведения, доктор. Три часа назад Марта Миллер выбросилась из окна своей квартиры.

Доктор вскочил как пружина и судорожно вцепился в рукав пиджака Рэнделла.

- Вы с ума сошли. Как?! Этого не может быть. Марта... С чего бы вдруг? Врешь, скотина!

Рэнделл высвободил рукав, стряхнул с него легким движением невидимую пылинку, вернулся в кресло и попросил доктора прекратить истерику.

- Да, да, конечно, - пробормотал доктор, - простите. Но, Боже мой, Рэнделл, как это неожиданно, как некстати! - взгляд его заострился, - Тэдди знает?

- Не знает, но его уже разыскивает полиция.

И доктор стал шарить руками по столу, и без конца повторять, как это некстати, и зачем Марта это сделала.

Разговор внезапно прекратился, - в кабинет без стука вошла сестра

Агнесс с кардиограммой Тэдди, разложила ее на столе, затем на шаг отступила.

- Вот, доктор.

Паркер усилием воли сделал спокойное лицо, сцепил пальцы, чтобы унять дрожь, стал изучать кардиограмму, нахмурился.

- Странно. Вы не заметили, сестра, Тэдди был чем-либо взволнован?

- Вел себя, как обычно. Шутил.

- Нет, нет, - не согласился доктор и пристально, испытующе посмотрел на Рэнделла, - он явно взволнован.

Рэнделл вмешался в разговор и догадался спросить, уж не из-за случая ли с полицией продолжает волноваться Тэдди. Но сестра возразила. Тэдди рассказал ей об аресте со свойственным ему чувством юмора. Агнесс хотела что-то добавить, но доктор резко оборвал ее.

- Вы свободны сестра Агнесс. Направьте Тэдди к доктору Гофману и заберите это.

Он вручил ей историю болезни. Сестра посмотрела последнюю запись и удивленно подняла брови.

- Вы забыли поставить дату, доктор.

- Пока не нужно.

- Доктор...

Паркер повысил тон.

- У вас, что, плохо со слухом?

Агнесс ушла, сильно хлопнув дверью, а доктор пожаловался секретарю:

- Если бы вы знали, Рэндел, как мне надоела эта чертова баба!

Рэндел посоветовал прогнать "чертову бабу", но доктор даже не потрудился ответить. Как мог он уволить хорошенькую ищейку сенатора? Смешно даже думать об этом. Он поднялся с места и пересек кабинет по диагонали, потом остановился возле кресла Рэнделла. Смотрел на него, не видя, пробормотал под нос:

- Ах, Марта, Марта! И смерть же выбрала...

- Вы были к ней равнодушны, доктор? - с ехидцей, глядя снизу вверх, осведомился Рэнделл.

Доктор тяжело вздохнул

- Вам не понять. Марта была хорошим товарищем. Соратником. Теперь мне и поговорить по душам будет не с кем.

- Будете говорить с Крэгом.

- С Крэгом? С этим...

- Продолжайте, - подбодрил его секретарь, - продолжайте, что же вы. А ведь вы его ненавидите, доктор.

- Он мой пациент.

Но Рэнделл не удовлетворился таким ответом. Слегка скривил губы, чтобы доктор не заметил усмешку, погасил огонек в глазах.

- А как насчет обычной человеческой зависти? У вас все в порядке со здоровьем, господин Паркер? Вы успели под шумок припассти для себя парочку хорошеньких клонов? Еще до запрета? Вы припасли их на всякий случай? А?

Доктор устало отмахнулся.

- Перестаньте, Рэнделл. И без того тяжело.

Рэнделл перестал его дразнить, стал серьезным, вернулся к разговору о Марте Миллер.

- Она знала о предстоящем заклятии Тэдди?

Доктор замахал руками.

- Что вы, господь с вами. Нет, она ничего не знала.

- Значит узнала.

Доктор в изумлении уставился на него.

- Да нет же, нет. Откуда? Если бы узнала, она в первую очередь пришла бы ко мне.

Рэнделл криво усмехнулся странной наивности доктора. Прежде он был для него воплощением трезвого и холодного рассудка. Этот маленького роста толстенький человечек с короткими, но ловкими и подвижными пальцами был гениальным хирургом, а люди его профессии не должны терять голову ни при каких обстоятельствах. Артур достал еще одну сигарету, закурил, спрятал зажигалку в карман.

- Должен вам сказать, - невозмутимо вымолвил он, - самоубийство Марты Миллер грозит обернуться общественным скандалом.

Доктор даже подскочил. Почему Рэнделл так думает? Ни Марта, ни Тэдди не имеют ни малейшего отношения к сенатору. Ни одна нить не ведет ни от них к нему, ни от него к ним. Внезапно взгляд его заострился, он настороженно посмотрел на Рэнделла.

- Она что-нибудь оставила? Письмо? Записку?

- Оставила, - спокойно ответил Артур.

Он методично перечислил, что обнаружили полицейские в квартире Марты. Во-первых, записку о добровольном уходе из жизни с просьбой никого не винить. Во-вторых - солидную кучку пепла на газовой плите, в-третьих, и что самое удивительное - колоссальную

сумму наличных денег на письменном столе в комнате Тэдди. Размышляя вслух, доктор стал прикидывать, что именно могла сжечь Марта, ничего не придумал и пробормотал:

- В таком случае все в порядке.

Артур еще раз подивился наивности доктора.

- Это вы так считаете. У Тэдди на руках пропуск сюда, в клинику. Марта Миллер - ваш сотрудник.

- Ну и что? Что? Что? Что из этого?

- Два покойника в одной квартире, не слишком ли много, доктор? Такое дело замять будет очень нелегко. Так не пора ли, дорогой мой господин Паркер, одуматься и отправить престарелого сенатора на покой, а Теодора фон Райзера, человека, отпустить на все четыре стороны? Пусть учится в Сорбонне, пусть женится, если у него есть кто на примете...

- Женится?! - нервно расхохотался доктор. - Да ни одна нормальная женщина не ляжет в постель с клоном.

Рэнделл повел головой, криво усмехнулся.

- Гм, я как-то об этом не подумал.

- Разве что, если она не будет об этом знать, - доктор сменил тон. - И вообще, Рэнделл, чего вы от меня хотите?

Артур вскочил, близко-близко наклонился к доктору и горячо зашептал:

- Я хочу, док, чтобы ваш подопытный кролик остался жив. Давайте намекнем Тэдди, чтобы он, того, слинял. Поможем ему уехать куда-нибудь далеко-далеко и надолго. А?

Доктор устало отмахнулся.

- У вас богатое воображение, Рэнделл. Единственное, что мы можем сделать - уговорить сенатора отложить операцию.

Артур отстранился и вышел из кабинета. В отличие от сестры Агнесс, он не стал хлопать дверью.

5

Сестра Агнесс в это же самое время обхаживала сенатора Крэга. Легко ходила по светлой, просторной и весьма уютной комнате, поправляла то тут, то там не на месте (по ее мнению) поставленные фарфоровые статуэтки, до которых сенатор Крэг был большой охотник, говорила, не закрывая рта.

- В вашей гостиной, господин сенатор, - щебетала она, - все осталось почти без изменений, только сменили обои, и я осмелилась поставить вот это растение. Если вам не нравится...

Сидя в кресле с высокой спинкой, поставленном против света, почти утопая в нем, сенатор с легкой улыбкой наблюдал за нею.

- Очень нравится, Агнесс, очень милое растение. Как оно называется?

- Королевская бегония, господин сенатор.

- Вы, как всегда, добры и внимательны ко мне, моя юная леди.

Сестра смущенно потупилась.

- Вам надо отдохнуть после процедур, господин сенатор. Скоро придет доктор Паркер.

Но сенатор не был склонен к отдыху, о чем прекрасно знала Агнесс, но ловко делала вид, будто не подозревает об истинных намерениях хозяина. Он глубоко вздохнул и переложил тонкую, перевитую синими венами кисть левой руки с колена на подлокотник кресла.

- Нет, моя добрая Агнесс, - ласково произнес он, - я ничуть не устал. Я добрался, наконец, до гостиной и хочу уговорить вас сесть вон в то уютное кресло. Благодарю вас, вы на редкость послушны. Теперь мы посплетничаем, как в старые добрые времена. Скажите мне, кто у нас сегодня на охране?

Агнесс опустила ресницы, разгладила на коленях полы ослепительно белого передника с красным крестом на груди, тихо шепнула:

- Освальд.

Крег хитро покосился.

- Кажется, я поймал вас, Агнесс. Ах, молодость, молодость... Перейдем к делу. Итак, что нового в нашей милой клинике.

Агнесс перестала смущаться и вся подобралась.

- Что вас интересует, господин сенатор?

- Прежде всего, настроение моего врача, дорогая Агнесс.

Сестра помолчала, подняла на Крэга глаза. О докторе Паркере она могла сказать лишь одно. В последнее время он стал несколько раздражительным, но это, по ее мнению, в порядке вещей. Ему скоро исполнится шестьдесят. Возраст преклонный.

- Агнесс, Агнесс, - перебил Крэг и погрозил ей длинным тощим указательным пальцем, - к счастью для себя, вы еще не знаете, что такое преклонный возраст. Наш доктор молод, очень молод, - он

опустил руку на подлокотник кресла с таким видом, словно даже такое невинное движение могло утомить его. - И в чем выражается его раздражительность?

- Покрикивает. Срывается на персонал. Стал рассеян. Задумывается. Обратишься с вопросом, не сразу услышит. А так... больше ничего.

- Задумывается, - медленно повторил Крэг, - гм. Что ж, пусть задумывается. Ему положено задумываться. Как поживает Эдуард де Симерен?

Агнесс удивилась неожиданному вопросу. Для нее больной с редкой и странной фамилией был далеким прошлым, она даже не в ту же секунду сообразила, о ком говорит Крэг. Сестра замялась и ответила, что она не в курсе. Наблюдение за Эдуардом де Симереном было снято почти год назад. Крэг сделал едва заметное движение, словно собрался подскочить в кресле. Как! Почему его не поставили в известность?

- Эдуард де Симерен отработан, господин сенатор, - испуганно возразила Агнесс.

- Немедленно дайте команду восстановить наблюдение!

- Слушаюсь.

Сенатор устало закрыл глаза. Он не хотел, чтобы Агнесс заметила промелькнувшую в них молнию. Его до глубины души возмутила оплошность Паркера, но выговаривать кому-либо за проявленную халатность и легкомыслие было поздно. Впрочем, распоряжение дано, а в исполнительности Агнесс он не сомневался, она сделает все, как надо. Сенатор открыл глаза, сделал над собой усилие и улыбнулся рассеянной старческой улыбкой.

- А что мой младшенький, мое сердечко?

Агнесс вновь обратила взоры на край передника.

- В данный момент заканчивает обследование у доктора Гофмана, - и вдруг замолчала, поджав губы, словно колебалась, нужно ли говорить. Потом все же решилась. - Мне не хотелось бы, господин сенатор, волновать вас...

- Агнесс, - строго сказал Крэг, - не ходите вокруг да около, это дурная манера. Волноваться я стану, если не узнаю, о чем вы собираетесь умолчать. Надеюсь, Тедди здоров?

- О, со здоровьем у него все в порядке! - сестра замялась, подыскивая нейтральную формулировку. - Вчера вечером он... уверяю вас, по чистой случайности, он оказался в полиции.

И Агнесс рассказала, как полицейский оскорбил девушку, с которой

танцевал Тэдди, как он вступился за нее, как его арестовали, как слегка помяли во время допроса, а затем отпустили после звонка адвоката Вейтлинга.

Сенатора, казалось, успокоили ее пояснения. Мимолетное самодовольство промелькнуло в его взгляде.

- Дорогая Агнесс, чему удивляться? Тэдди и я - единое целое. Он с удивительной точностью повторяет меня самого. Вы не представляете себе, моя юная леди, сколько раз по молодости я попадал в полицию. Вы не смейтесь. Я был очень импульсивным молодым человеком. Я с детства боролся за справедливость, и за это мне влетало по первое число. Так чем же закончилось приключение Тэдди?

Агнесс посмотрела прямо в глаза сенатору.

- Господин Вейтлинг сделал все, что нужно.

Сенатор удовлетворенно кивнул. Казалось, разговор окончен, и сестра готова была уйти, приподнялась, но сенатор жестом остановил ее.

- А как его настроение в целом?

- Теодора фон Райзера?

- Называйте его просто Тэдди.

Агнесс удивилась. Сенатор никогда и никому не позволял панибратства.

- Тэдди... - с трудом произнесла она сокращенное имя третьего клона, - он всякий раз смешит меня какой-нибудь историей. У меня складывается впечатление, будто он сочиняет их на ходу. Очень забавно. В прошлый раз подарил доктору Паркеру свою последнюю картину - свой шедевр. Называется "Туман и цветущий сад".

Сенатор внезапно нахмурился. Сестра не могла понять, отчего настроение хозяина резко переменилось. Она робко поднялась, в глазах ее был вопрос. Крэг встрепенулся, заметив ее выжидательную позу.

- Да, да, вы свободны, Агнесс. Я должен поговорить с доктором Паркером. И пригласите моего секретаря.

6

Оставшись в одиночестве, сенатор устало закрыл глубоко запавшие глаза тяжелыми темными веками. Казалось, он спит. Но он не спал. Станные мысли не то, чтобы тревожили его, они мешали, не давали успокоения с тех пор, как его поместили в клинику, сначала в лечебный

корпус, а затем, всего полчаса назад перевезли сюда, в его личные апартаменты из трех комнат - спальни, кабинета, гостиной и просторной террасы, сплошь увитой диким виноградом, с видом на дальние, поросшие густыми лесами, невысокие горы. Чтобы успокоиться, сенатор вступал в нескончаемые споры с неведомым, воображаемым противником, хотя никаких противников у него уже давно не было. Либо они умерли, либо перешли в стан верных и безгранично преданных соратников.

Он подумал об этом, успокоился и на некоторое время отключился.

Появление доктора и секретаря вывело его из небытия. Крэг открыл глаза, и в первый момент не мог сообразить, где он находится, с кем ему предстоит разговор. Потом все же окончательно пришел в себя, сделал слабый, приглашающий жест рукой.

- Прошу вас, господа, прошу, усаживайтесь. Процедуры, надеюсь, на сегодня закончены, можно поговорить в неофициальной обстановке. Итак, доктор, каким вы меня находите?

Почтительно поклонившись, доктор присел на край другого кресла, а Рэнделл прошел вглубь комнаты и преспокойно расположился на просторном диване, забросив ногу на ногу.

Доктор принялся пространно распространяться о результатах осмотров и исследований, Рэнделл со скупающим видом отвернулся к окну.

- Но вы чем-то обеспокоены, доктор, - глянул ему в глаза сенатор.

Доктор, в который раз, изумился пронизательности сенатора, его способности подмечать даже незначительные мелочи, Рэнделл скривил в ухмылке рот, сенатор снисходительно улыбнулся, слегка пошевелив губами.

- Я все подмечаю, доктор, мне положено. Выкладывайте, что у вас на уме.

- Трудно начать, - все же начал доктор, - но вы предложили поговорить в неофициальной обстановке, и мне хотелось бы обратиться не к сенатору, не к выдающемуся государственному деятелю...

- Просто к человеку. Обращайтесь, доктор, обращайтесь. В этих стенах мы можем говорить и общаться запросто.

И доктор, набравшись мужества, словно перед прыжком в ледяную воду, быстро проговорил:

- Сенатор, я прошу вас отложить операцию на некоторое время.

В голове сенатора молнией пронеслась абсолютно точно сформулированная мысль: "И дожждаться моей смерти". Его сомнения, его жалкие попытки оправдать себя, вся продуманная им мучительная софистика тут же разлетелась вдребезги. Инстинкт самосохранения поборол остатки совести. Он уже готов был обрушиться на трусишку доктора всю мощь своего гнева, но сдержался, заговорил спокойно, будто размышлял.

- Я понимаю вас, доктор. Я очень хорошо вас понимаю. Вы много лет наблюдали мальчика, вы привыкли к нему, полюбили его. Я от многих, не только от вас, слышал - Тэдди личность незаурядная. И вам трудно решиться. Понимаю. - Он умолк, глаза его стали невидящими, даже мечтательными. - Какую его статью я недавно прочел в одном научном журнале! Тэдди владеет пером, и, знаете, мне это приятно. - Тут он перевел взгляд и вперил жесткий взгляд в глаза противника. - Но вы делаете ошибку, доктор. Да-да, вы делаете ошибку. Вы забыли о главном. В самом начале нашего проекта, всеми нами уважаемый, ныне покойный профессор Смол разработал теорию доминанты. О чем там говорилось? О том, что клоны не являются потомством лица, предоставившего свой клеточный материал. Они часть его тела, его дополнительные органы. И по мере необходимости дополнительные органы должны использоваться по назначению. Вот и все. Именно поэтому профессор Смол отказался от суррогатной матери, - организмы клонов развивались непосредственно в лаборатории. Вне материнского лона, так сказать. Воскресни сегодня великий алхимик Фауст, он бы сказал - в колбе.

- Их и дальше следовало держать в колбе.

Это с дивана, из глубины комнаты подал реплику секретарь. Крэг живо повернулся к нему.

- Да, пожалуй, я готов согласиться с вами, Рэнделл. Мы совершили ошибку. Мы придали клонам социальный статус. Этого нельзя было делать. Клон - биологический материал, не социальный.

Рэнделл брезгливо посмотрел на него.

- Господину сенатору захотелось порезвиться.

Сенатор внезапно понял, что перед ним не один, а два противника, но продолжал ровно скрипеть голосом.

- Хоть вы иногда и забываетесь, молодой человек, слово найдено. Сенатор порезвился, но это моя игра, и это было так интересно, друзья мои. Я придумал им биографии. Второму и третьему дал титул.

Глупость, конечно, но я признаюсь, в молодости мне очень хотелось иметь титул. Теперь это прошло. Так, блажь. Барон фон Райзер самый удачный из всех. Кстати, когда он прекратит свое существование, я хотел бы видеть его картины здесь, в гостиной, - он указал пальцем, - эта стена совсем пустая. О, Тэдди, сердечко мое, достиг очень неплохих результатов.

- Bravo, сенатор! - секретарь поднялся с места. - Поскольку доктор не решается, позвольте мне сделать сообщение.

И он собрался сразу заговорить о самоубийстве Марты, но вовремя спохватился. Хотел он того или нет, но у сенатора было больное сердце, и жизнь его, как говорится, висела на волоске. Рэнделл вовсе не собирался стать причиной чьей-либо смерти, поэтому коротко и сдержанно доложил.

- Вчера вечером ваш титулованный клон угодил в кутузку, был подвергнут допросу и отпущен после звонка к адвокату Вейтлингу, который нагнал на полицейских страху за вмешательство в дела совершенно другого ведомства.

- Знаю, - спокойно кивнул сенатор, не проявляя ни малейших признаков волнения.

- Откуда? Впрочем, не трудно догадаться. Сестра Агнесс! Бдительная, преданная сестра Агнесс и здесь успела.

- Преданная сестра Агнесс! - подчеркнул Крэг и поднял седую, лохматую бровь, - а вы, оказывается, не любите меня, Рэнделл.

- Забавно, - усмехнулся Артур и сел на место, - сегодня заметили это не только вы. За что мне любить вас, сенатор? Вы собираетесь сделать меня сообщником преступления.

Ах, понял, внезапно понял сенатор, какую он допустил оплошность, посвятив Рэнделла в свои дела! Но, что делать, в своей беспомощности, он так от него зависит! Крэг мельком глянул на доктора, и тот ответил осуждающим взглядом. Но Артуру следовало ответить.

- Преступления?! - изумленно вскричал сенатор, - кто здесь говорит о преступлении? Разве генерал, посылающий солдата в бой, не знает о том, что солдат может погибнуть? Но никому не придет в голову назвать генерала преступником. Теодор фон Райзер - солдат. И если ему будет приказано идти в бой, - он пойдет и погибнет. Кстати, в отличие от солдата, он об этом никогда не узнает.

- Вы не обманите меня вашей софистикой, - решил не спускать

сенатору Рэнделл, - солдат идет в бой осознанно, он защищает отечество, у него есть чувство долга, а вашего мальчика, как вы любите его называть, волокут под нож, как барана.

- Скажите, Рэнделл, - все путанные размышления сенатора наедине с самим собой внезапно обрели цельность, в нем заговорил оратор, хоть и невелика была находившаяся перед ним аудитория, - вам никогда не приходило в голову, что я тоже в какой-то мере служу науке, отдавая в ее распоряжение самого себя. Или вы думаете, что я ничем не рискую, ложась на операционный стол? И вот я, первый человек в мире, сохранивший в результате невиданного эксперимента потрясающую работоспособность до восьмидесяти девяти лет, сижу здесь перед вами, осужденный без суда и следствия. Да кто осмелится бросить в меня камень? Я, что, не служу своему отечеству? Или как политический деятель я ни гроша не стою, по-вашему? А в будущем? Разве долголетие не является одной из глобальных проблем человечества? И разве то же человечество в полной мере использует бесценный потенциал людей, доживших до преклонного возраста? Нет, мы привыкли списывать стариков за ненужностью, бросать им кость в виде минимального социального обеспечения и немедленно после этого забывать об их существовании. А мудрость, к вашему сведению, приходит к человеку разве что к шестидесяти годам, не раньше. Простите мне мои философствования, но вот что я вам скажу. Пройдет совсем немного лет, и запрет на клонирование человека будет отменен. Клонирование получит невиданный размах. Это будет выгодно и полезно всем. И, уверяю вас, никто не станет задаваться вопросом, гуманно это или не гуманно.

Секретарь решил не сдаваться.

- Но впредь мы будем создавать исключительно безмозглых клонов. Умеющих хорошо выполнять лишь определенные функции. Например, стрелять.

- Это мысль! - затрясся от мелкого смеха сенатор. - Но до этого пока далеко. Не будем ссориться. Решим вопрос с полицейским происшествием. Вы, что же, доктор, испугались? Вы боитесь дальнейшего расследования? Не бойтесь. Вейтлинг сделал все, что нужно, излишне старательные стражи порядка думать забудут о Теодоре фон Райзере. Все?

Теперь Артур Рэнделл решил не щадить его.

- Если бы это было все, сенатор. Увы. Произошло несчастье с

Мартой Миллер.

Глаза сенатора тревожно забегали.

- Марта Миллер, Марта Миллер... ах, да, психолог. Что с нею случилось?

- Она умерла, сенатор.

- Гм, это печально.

- Она умерла не совсем естественной смертью.

- Убийство?

- Нет, сенатор, она добровольно ушла из жизни.

Крэг целую минуту осознал полученную информацию, пока до него не дошла трагическая непоправимость случившегося. Не из-за Марты, нет, с нею он не был знаком, для него она была имя рек, не больше. Он собрал волю в кулак, заговорил, как генерал перед готовым начаться сражением.

- Где Тэдди, доктор?

Доктор виновато, хотя на нем не было никакой вины, посмотрел на Крэга.

- Здесь, у нас, в терапевтическом отделении.

- Полиция уже интересовалась им?

- Пока нет.

- Пока... С чем связано самоубийство этой женщины, выяснили? Ваше мнение, Рэнделл.

- Предполагаю, оно связано со вчерашним задержанием Тэдди. Видимо, сенатор, в тщательно продуманной вами легенде для Теодора фон Райзера, в связи с глобальной компьютеризацией, обнаружился изъян.

Секретарь говорил дерзко, но сенатор решил пока отбросить амбиции. До поры, до времени. Его время еще наступит, он в этом не сомневался, и тогда он доберется до секретаря, отпустит ему по полной программе.

- Вы считаете, полицейские нащупали подлинную биографию Райзеров?

- Не исключено. Вот Марта и испугалась.

- Так. - Крэг на какое-то время задумался. Очнулся собранный, принявший решение. - Рэнделл, в котором часу пресс-конференция?

Артур посмотрел на часы.

- Через двадцать минут.

- Я сам проведу ее.

- Категорически протестую! - сорвался с места доктор. - Это слишком большая нагрузка! Вам нельзя волноваться, сенатор! Пусть, как мы договаривались, ее проведет Рэнделл.

Крэг с презрением посмотрел на него.

- Занимайтесь своими делами, доктор. После конференции мы обсудим ситуацию и примем окончательное решение.

7

Конференция началась вовремя. Журналистов пригласили в кабинет Крэга, такой же просторный и прекрасно обставленный, как гостиная, с одной только разницей - здесь не было ни фарфоровых статуэток, ни горшков с королевскими бегониями, ни обтянутых кожей кресел с высокими спинками. Данное помещение предназначалось исключительно для работы и официальных приемов.

Журналисты, их было человек пятнадцать, расположились в комнате согласно распоряжениям Рэнделла, из боковой двери вышел Крэг в ладно сидящем на нем дорогом костюме, высокий, чуть сутуловатый, привычно подтянутый, с гордо посаженной головой, увенчанной пышной серебряной шевелюрой. Следом появился доктор Паркер.

Сенатор переждал, чтобы прекратились вспышки блицев, похозяйски расположился за письменным столом прямо напротив оператора с телекамерой, жестом усадил Паркера слева от себя и кивнул Рэнделлу. Рэнделл занял место с правой стороны, но садиться не стал. Конференция началась.

Первые вопросы журналистов, вполне естественно, касались самочувствия сенатора. Ответы Крэг пересыпал шутками, изображал легкое недоумение, говоря, что в его возрасте (он его никогда не скрывал) вполне естественно время от времени проходить обследования в клинике, и предложил доктору сделать квалифицированное сообщение о состоянии его здоровья. Удовлетворив любопытство журналистов, доктор сослался на занятость и ушел, а Рэнделл попросил задавать вопросы по существу. Конференция вошла в привычное русло, заговорили о политической ситуации в мире, в первую очередь о положении на Ближнем Востоке, о грядущем энергетическом кризисе, о возможном экономическом кризисе, о техническом прогрессе, словом, обо всем, что может

заинтересовать читателей газет и телезрителей.

Крэг изнемогал. Он держался из последних сил, рассыпал улыбки, заигрывал со знакомыми журналистами, но силы его были на исходе. Рэнделл видел это и старался вести дело так, чтобы вопросы не повторялись, чтобы исчерпывающие ответы сенатора удовлетворяли на только одного корреспондента, но и всех остальных.

Наконец, встреча с журналистами подошла к концу, уже Крэг собрался пожелать всем собравшимся успехов в работе, но тут взметнулась еще одна одинокая рука. Рэнделл кивнул, все обернулись в сторону молодой женщины, известной сотрудницы популярного научного журнала.

Журналистка поднялась с места, откинула назад длинные волосы, назвалась и поблагодарила Крэга за предоставленную возможность задать вопрос.

- Господин сенатор, - прозвучал ее звонкий, хорошо поставленный голос, - хотелось бы услышать ваше мнение об успехах в области генной инженерии, в частности о проблемах клонирования человека. Несмотря на запрет, в прессе время от времени муссируются слухи о проводимых экспериментах на людях.

Сенатор помертвел. Вопрос мог возникнуть в хорошенькой головке журналистки случайно, а мог оказаться быть заданным неспроста. Он ничем не выдал охватившей его паники, никто не заметил, как судорожно он сжал внезапно онемевшую кисть левой руки. Голос его остался спокойным и ровным.

- В настоящее время нравственное состояние общества не позволяет заниматься клонированием человека, и поэтому находится под запретом практически во всех странах мира. Что касается слухов... Не всякий слух заслуживает внимания. Я не думаю, чтобы нашлись лаборатории, осмелившиеся нарушить запрет, и, тем самым, поставить себя вне закона. - Он помолчал, по комнате прошел шумок, прошелестели сворачиваемые корреспондентами страницы их блокнотов, сенатор почувствовал себя свободным и поднялся с места. - На этом мне хотелось бы закончить, господа. Благодарю вас всех за внимание, проявленное к моей скромной персоне.

Пресс-конференция закончилась.

Доктор Гофман и сестра Агнесс долго хлопотали вокруг сенатора Крэга. Ему мерили давление, впрыскивали успокоительные и сердечные средства. Вскоре высокопоставленному пациенту стало намного лучше, и он попросил оставить его в покое.

Снова Крэг сидел в кресле, в гостиной, в полном одиночестве. Глаза утомленного сенатора были закрыты, он сидел неподвижно, углубленный в себя. Сердце его едва трепетало, с трудом гоня кровь по венам, и он внимательно прислушивался к каждому толчку, машинально держа кончики пальцев на запястье левой руки.

Если бы Крэга спросили, о чем он думает, застыв в кресле, с чертами лица, словно высеченными из мореного дерева, он бы не смог ответить. Смутные воспоминания давно ушедших прошлых лет, медленно сменяя одно другое, проплывали в его голове. Потом он задремал.

Внезапно сквозь сон сенатор почувствовал чье-то присутствие. Открыл глаза, и увидел перед собой постороннего человека. Человек был молод, и, как показалось Крэгу, отдаленно знаком. Ему даже почудилось, будто какое-то его видение внезапно материализовалось, и он видит самого себя, юного, полного надежд и сил. Но Крэг никогда не был склонен к мистицизму, отогнал странную мысль как несостоятельную и окончательно проснулся. Он прочистил горло и слабым голосом поинтересовался, как попал и что делает в его покоях неизвестный ему молодой человек. В ответ молодой человек попросил сенатора не двигаться и не пытаться звать медперсонал и охрану.

Но сенатор никого не собирался звать на помощь. Он был слишком уверен в себе.

- Кто вы? - продолжал он допытываться. - Как вы попали сюда?

- Прошел вместе с журналистами, сенатор. У меня было удостоверение.

- Вы журналист? Но я вас никогда не видел. Я вас не знаю.

- Напротив, ты очень хорошо меня знаешь, - возразил юноша, обращаясь к сенатору совершенно неподобающим образом.

Именно панибратское обращение и мучительное сходство с ним самим подсказало истину. Сенатор понял.

- Теодор фон Райзер! - скривил тонкие губы Крэг.

Ему стало страшно. Одно дело представлять Тэдди умозрительно, ощущать его частью самого себя, другое - встретиться лицом к лицу и увидеть перед собой молодого, красивого, полного сил человека,

готового, судя по всему, сражаться за жизнь до последнего.

- Я никогда не видел тебя, - сенатор взял себя в руки, - я даже не мог представить себе возможную нашу встречу.

- Ни с Клайвом, ни с Эдуардом?

Тэдди свободно прошел вглубь комнаты, взял стул, вернулся и сел напротив сенатора.

- Ты все знаешь, - пробормотал тот.

Привычка к интригам, способность логически вычислять все возможные ходы в политической игре, помогли ему. Он живо представил встречу двух клонов - барона Теодора фон Райзера и виконта Эдуарда де Симерена. Впервые соединив их имена, сенатор поехал, ведь это были и его имена. Он внимательно посмотрел на Тэдди.

- Ты пришел убить меня?

- Я пришел судить тебя.

И вот тут странное чувство овладело Крэгом. Ему искренне захотелось поверить в прорывшуюся неясную мысль, которая немедленно обрела словесную форму.

- А если представить, что ко мне пришел не судья, а сын? Что бы там ни было - кровь у нас одна.

- Это не мешает мне ненавидеть тебя, - немедленно возразил Тэдди.

Сенатор пристально посмотрел на него. Неужели примирение невозможно? Он все же решил попытаться.

- Смири сердце, мой мальчик. Если мы оба сумеем узнать отец - сына, сын - отца, произойдет чудо. Я дам тебе свое имя, я сделаю все, чтобы ты занял достойное место в обществе, ты повторíš мой путь. И тогда я смогу спокойно уйти из жизни.

Но Тэдди не собирался идти на мировую.

- Хочешь уйти от возмездия?

- Нет, нет, что ты! - Крэг жалко улыбнулся, - кажется, в первый раз за полвека я говорю, то, что думаю. Ну же, попробуй! Попробуй назвать меня, пусть не отцом, но на первых порах хотя бы другом!

Тэдди внимательно посмотрел на Крэга и покачал головой.

- Нет, сенатор, увы, из этой затеи ничего не получится. Между нами нет родственных отношений. Это другое.

- Что?

- Не знаю, не могу сказать.

- Жаль. Ты мог бы повторить меня, стать мною, моим вторым Я...

Тэдди вскочил с места, низко склонился над Крэгом и жарко зашептал.

- Повторить твой путь? Стать таким же, как ты, и в конце жизни заняться производством де Симеренов и фон Райзеров? Сколько их может понадобиться, сенатор? Два, три, десяток? Ты предлагаешь мне стать мерзавцем, - он помолчал секунду и зло добавил, - милый папа.

А вот этого, пожалуй, говорить не следовало, особенно подобным тоном. Минута прошла, глаза Крэга налились холодом.

- Но тогда ты должен умереть. Зная истину, сможешь ли ты жить с таким бременем? Это с одной стороны. А с другой, - стоит ли жизнь одного гомункула благосостояния целого народа, которому я служу верой и правдой?

Но Тэдди отбил атаку.

- Чего стоит народ, порождающий монстров, подобных тебе?

- Ого, мой мальчик обладает парадоксальным мышлением. Тебя бы к нам, в парламент. Значит, ты требуешь суда и справедливости? Хорошо, пусть будет по-твоему. Но сначала я хочу показать тебе, во что может вылиться подобный суд. - Крэг слегка шевельнулся, будто старался удобней устроиться в кресле. - Ты станешь утверждать, будто имеешь все основания считать себя одним из трех клонов, созданных в лаборатории покойного профессора Смолла. Ты станешь утверждать, будто все они являлись и являются донорами для пересадки органов мне, сенатору Крэгу.

В качестве свидетеля призовут к ответу доктора Паркера. Уж его, смею тебя заверить, призовут в первую очередь, но доктор откажется давать показания, ссылаясь на врачебную тайну, и уступит свидетельское место сестре Агнесс. Та, не вдаваясь в подробности, сообщит, что твой отец Отто фон Райзер страдал редкой формой психического расстройства, что в клинике святого Бернара велось наблюдение за тобой на протяжении многих лет из опасения проявлений нежелательной наследственности.

- А о том, что сын его погиб вместе с ним она не сообщит?

- Разумеется, нет. К тому времени все неувязки в досье Райзеров будут устранены. После долгих дебатов выступит наш с тобой адвокат, но действовать он будет уже в моих интересах. Вейтлинг необычайно красноречив.

Речь его будет звучать приблизительно так (при этом сенатор мечтательно улыбнулся, изменил голос): "Ваша честь, господа

присяжные! Мне доставило необыкновенное удовольствие защищать всем нам известного господина сенатора Клайва Эдуарда Теодора Крэга на этом не совсем обычном процессе. Поначалу казалось, что я стану искать причины, побудившие моего подзащитного оказывать покровительство уникальному эксперименту по клонированию человека, доказывать, что сенатор не нарушил существующего законодательства, поскольку, так называемые, клоны Крэга были созданы до появления запрета.

Но в результате расследования все оказалось проще. Я думаю, высокому суду уже совершенно ясно, что данный процесс инспирирован политическими противниками уважаемого сенатора как раз накануне предвыборной кампании с целью его дискредитации. А несчастному Теодору фон Райзеру, страдающему, как выяснилось, наследственным психическим расстройством, была уготована весьма неблагоприятная роль. Мне даже в какой-то степени жаль, что столь необычная история с тремя клонами оказалась выдумкой несчастного фантазера. Было бы весьма любопытно обсуждать успехи современной науки в области генной инженерии, способной создавать гомо сапиенс столь необычным способом. Увы, всем нам придется вернуться на бrenную землю, а нашему истцу посоветовать сочинять более правдоподобные истории". Вот, мой милый мальчик, в каком примерно ключе будет происходить суд.

Тэдди засмеялся.

- И это вы называете судом? А как же Марта! Ваш суд обязан будет вызвать для показаний Марту!

Крэг не успел ответить, дверь отворилась, и в гостиную вошла сестра Агнесс, бережно держа шприц, наполненный лекарством, иглой вверх. Она сразу оценила ситуацию, замешкалась на пороге, потом коротко взвизгнула и кинулась назад. Через секунду или две она, Рэнделл и доктор Паркер ворвались в гостиную. Доктор жестом остановил спутников и почему-то на цыпочках, крадучись, приблизился к Тэдди.

- Дорогой мой, каким образом вы здесь очутились?

Сенатор Крэг успел овладеть собой. Глядя в глаза доктору, он заговорил решительным тоном, будто давал распоряжения.

- Тэдди пришел ко мне по собственному почину. Мы поговорили, но он сильно возбужден. На мой взгляд, ему следует пройти обследование в нервном отделении клиники. Немедленно.

Доктор, слегка наклонившись в сторону Крэга, внимательно выслушал распоряжение, посмотрел на сестру.

- Вызовите санитаров!

Агнесс не успела двинуться с места. Рэнделл перехватил ее, скрутил, прижал к стене. Она умудрилась высвободить руку, замахала, отбиваясь и крича.

- Пустите меня, Рэнделл!

Тогда Рэнделл усилил хватку и тоже заорал:

- Тэдди, Марта умерла! Она покончила с собой. Беги! Еще есть время! Беги, я удержу их!

В следующий момент все произошло очень быстро. Тедди выхватил из кармана пистолет и выстрелил в Крэга. На пороге гостиной появился уже спешивший на громкие крики Освальд. Собственно говоря, он появился одновременно с выстрелом Тэдди, и, ни секунды не размышляя, расстрелял его почти в упор. Затем наступила мертвая тишина.

Первым очнулся доктор и бросился к сенатору.

- Живы?

Сенатор поднял на него хитрый взгляд и тихонько, чуть сотрясаясь грудью, захихикал.

- Он промахнулся! Мальчик стрелял в меня, и промахнулся! Вот она, в спинке кресла, смотрите - дырка от пули! Два сантиметра вправо и... - затем он собрал волю в кулак и закричал на секретаря, - Рэнделл, вы подлец, вы предатель! Вы хотели спровоцировать покушение на государственного деятеля. Вам это просто так не сойдет с рук! Вы пойдете под суд! Негодяй! - тут он как бы спохватился и стал озираться в поисках Тэдди, - где клон?

Рэнделл, давно отпустил сестру, и теперь стоял на коленях возле тела Тэдди.

- Здесь клон, здесь. В отличие от вас, в него попали.

- Он мертв? - встревожился Крэг.

- Да.

Тогда сенатор заорал из последних сил, брызжа слюной.

- Так чего вы ждете, доктор? Несите в операционную, готовьте сердце к пересадке! Немедленно!

Но доктор уже успел подвергнуть быстрому осмотру тело убитого. Он разогнулся, отошел в сторону от трупа Тэдди.

- Сердце пробито пулей, сенатор. Оно не пригодно для пересадки.

Крэг стал открывать и закрывать рот, как рыба, выдернутая из воды. Ему вдруг померещилась странная резиновая рука, летящая по воздуху в его сторону. Рука приблизилась, погрузилась в его грудную клетку и стала сжимать легкие, лишая их воздуха. Сенатор обратил потухший взор на Освальда, тот вытянулся в струнку.

- Ваша честь, я действовал в полном соответствии с инструкцией.

- И... и... и... Идиот! - выдавил из себя Крэг.

Сердце его обожгло мгновенной непереносимой болью, он как-то странно пискнул и обвис в кресле. Агнесс, взвизгнула, прижала ладони к щекам.

- Доктор, какой ужас! Рэнделл, вызывайте реанимацию! Доктор, сделайте же что-нибудь! Бессердечные вы люди!

Но доктор не стал торопиться. Он подошел к сенатору, взял его руку, подержал, затем тихо опустил на подлокотник кресла.

- Бесполезно, сестра. Это инфаркт. Наш мальчик все же убил Крэга. - Он оборвал себя, заметив мобильный телефон в руке секретаря. - Что вы собираетесь делать, Рэнделл?

- Собираюсь звонить в полицию, - отозвался тот, удивляясь непонятливости доктора, - здесь произошло убийство.

Паркер подошел и положил ему на плечо руку.

- Вы ошибаетесь, Рэнделл. Здесь не было никакого убийства. Сенатор Крэг умер естественной смертью. В его возрасте никто не застрахован от инфаркта. Что касается Тэдди...

Он высвободил из пальцев Рэнделла телефон и набрал номер.

- Доктор Гофман? Да, это я, будьте добры, поставьте в истории болезни Теодора фон Райзера сегодняшнюю дату.

9

Похороны сенатора Крэга были пышными, при большом скоплении народу. Звучали речи, воздавались почести. Позже ему воздвигли роскошный памятник черного гранита с памятной надписью, начертанной золотом: "Он трудился на благо народа".

Умершего в клинике Святого Бернара от цирроза печени Теодора фон Райзера тихонько закопали в безымянной могиле, в глубине старого больничного кладбища.

Освальда повысили в звании и продвинули по службе.